

ПОЛИТТУРИЗМ

РУССКИЙ «СЕВЕРНЫЙ ВАРВАР» В КИТАЕ – 2

Мы публикуем продолжение интервью с **Анатолием Беляковым** – московским журналистом, политехнологом, музыкантом легендарной группы «Кенгуру», писателем, который недавно совершил увлекательную поездку в Китай, Макао и Гонконг, где интересовался подлинным лицом Срединной империи.

– Толя, посетил ли ты в Пекине знаменитый ресторан «Пекинская утка»?

– Ну как же без этого? Там на стенах висят фотографии Бориса Ельцина, Ясира Арафата, Фиделя Кастро, Майка Тайсона, Пеле, которые, приезжая в Пекин, обязательно шли в этот ресторан есть утку по-пекински.

Это блюдо – настоящее произведение кулинарного искусства. Кандидатуру для него откармливают по специальной диете. Потом тушка целые сутки ждет своего часа в подвешенном состоянии – сначала ее обмазывают каким-то алкоголем, чтобы подсохла шкурка, и при жарке получилась хрустящая корочка, потом – смесью соевого соуса и меда и т.д. Затем жарят в особой печи чуть ли не с секундомером в руке.

Доставка утки к столу – целая церемония. Специальный повар в марлевой повязке торжественно режет ее ровно на 114 тоненьких ломтиков, которые заворачиваются в почти прозрачные блинцы с резаным луком. Откусав утки, ты получаешь удостоверяющий это пронумерованный сертификат.

Вообще, как в Китае, так и в Японии мастерство повара определяется, прежде всего, по тому, насколько он искусно может порезать

продукты. Однако китайцы над японской кухней просто смеются – мол, что это за вульгарит: заворачивают в водоросль горсточку риса, кидают в нее кусок сырой рыбы и едят! Уж мы бы, мол, из этой рыбы такое приготовили!

Конечно, помимо традиционных ресторанных блюд типа «рыбы-белки», мне хотелось попробовать из китайской кухни что-нибудь совершенно экзотическое. В переулочках около пекинского «Арбата» – улицы Ванфуцзин предприимчивые китайцы готовят и продают всякую пакость на шпажках. Я попробовал саранчу и тутового шелкопряда. Саранча – ничего, не так уж и противно.

А вот когда раскусываешь тутового шелкопряда, и вся эта жижа взрывается у тебя прямо во рту!

У меня сложилось ощущение, что сами китайцы это все тысячу лет уже не едят. Они нормально питаются в своих Макдональдсах, а если приспичило, прямо на улицах заваривают себе лапшу из термоса. А подобную экзотику готовят, похоже, исключительно для туристов. А потом смотрят, как «северные варвары» эту гадость едят, и исподтишка посмеиваются.

– Какие еще встречи у тебя случались с простыми китайскими товарищами?

– В Шанхае на улице Наджин Лу нас с моим другом Олегом Матвейчевым поймал простой китайский народ в лице двух крошечных китайских девушек. Они оказались студентками какого-то художественного училища. У них маленький бизнес – продажа лопоухим северным варварам своих ученических картинок. Они буквально затащили нас в свою галерею, где, кстати, я впервые увидел настоящего Ци Байши на тончайшей рисовой бумаге. Девушки рассказали, что эта бумага съедобна, и писать на ней мог только Ци Байши. Она настолько тонкая, что если на нее капнуть чуть больше туши, то бумага растекается вместе с тушью.

Представляете, какие быстрые мазки должен наносить художник, чтобы не прорвать бумагу?

Девушки всучили нам свою живопись с дарственными надписями, а затем поинтересовались, откуда мы и кем работаем. Мы честно признались, что приехали из России, а трудимся, как и половина россиян, наемными убийцами. Они всё сомневались, говорили, что мы не такие, что у нас добрые глаза и приветливые улыбки. Мы же объясняли, что это-то нам как раз и помогает в работе.

В конце концов, девушки поверили и долго махали нам вслед: «До свиданья, русские киллеры!»

Вообще, как китайцам можно врать что угодно про Россию, так и русским – про Китай. Для большинства россиян Китай – это какая-то другая планета, где живут люди с песьими головами или уж, как минимум, все ходят строем в фуфайках с красными звездами и демонстрируют друг другу приемы ушу. В столичных городах китайца в фуфайке, на самом деле, найти довольно трудно. Хотя встречаются иногда какие-нибудь престарелые провинциалы, по-видимому, паломничающие по маоистским местам. Кстати, наиболее интересные лица именно у стариков – с грубо вырубленными, почти гротескными чертами, как на старинных китайских гравюрах. А молодые все похожи друг на друга. Так, наверное, и мы, европейцы, кажемся китайцам все на одно лицо.

Украдкой я фотографировал этих живописных стариков – хватит на целую выставку. Когда у тебя в руках фотоаппарат, и ты в Китае – ловишь себя на том, что находишься в глупом положении. Хочется все запечатлеть, присвоить, ничего не упустить, ходишь и высматриваешь, что бы еще уместить в прямоугольник с соотноше-

нием сторон два к трем. А вот вжиться, прочувствовать, сопережить... На это, увы, часто не остается времени.

А вот что действительно хотелось увести с собой – это запахи. Если бы был аппарат для записи запахов, я увековечил бы все – запах древнего моря, незнакомых цветов, теплых камней, дорожной пыли, жареной утки, пельменей, сливового вина, вонь жарящейся на шпажках саранчи, аромат благовоний в монастырях...

А один наш друг Леша Бабетов записывал звуки. Самые разные. Они там, смею заверить, тоже особенные. Чего стоит одна только китайская эстрада! Я даже и описать ее не могу. Иногда кажется, что это какой-то розыгрыш – ну, не всеерьез же они считают это музыкой! А еще говорят, что хуже нашей попсы нет ничего на свете...

– Каковы твои впечатления от Великой стены?

– Она очень извилистая, видно, что страшно длинная, невероятно органично приспособленная к ландшафту и состоит из черных кирпичей. Не скажу, что сильно широкая. То, что на ней якобы можно разбегаться на двух КАМАЗах –

миф. Все эти кирпичи иссечены иероглифами: «Здесь был Ван», «Здесь был Цзян». А на одном гордо красовалась надпись в палец толщиной: «СССР».

Говорят, что скоро по всей стене расставят камеры видеонаблюдения – чтобы потом морщить вандалов на партсобраниях и штрафовать их на сто юаней.

На стене было очень холодно. И, естественно, предприимчивые китайцы как могли наживались на разнице температур в горах и на равнине – впаривали северным варварам всякую теплую дрянь. Зубы уже реально начинали выстукивать танец с саблями, и мне ничего не оставалось, как купить кофту с надписью: «Я покорил Великую стену», а еще варежки, шарф и шапку. Теперь в этой кофте с надписью у меня ходит мама – очень трогательно.

Там очень красиво. Но самое главное, зачем стоит идти на Стену – это почувствовать себя частью великой истории. А еще, стоя на вершине мира, позвонить кому-нибудь: «Алло! Ты где? – Я? На Великой китайской стене!»

Интервью взял
Владимир ЛАКОДИН

